

PENNING

MAKING

JANUARY 2023

PENning is compiled by the Writers
in-Exile Committee of Scottish PEN.
Submissions are selected anonymously.

Liz Niven
Moiria McPartlin
Samina Chaudhry

CONTENTS

5 FOREWORD

GUEST EDITOR, ROBIN LLOYD-JONES

7 FEATURED WRITER

ELENA MARINICHEVA

13 FICTION

LORETTA MULHOLLAND

22 POETRY

RUTH AYLETT

A C CLARKE

DAVID HUNTER

BRIAN HILL

JULIAN COLTON

VYACHESLAV KONOVAL

TOM MURRAY

Welcome to our current edition of PENning. From the theme of 'Making' has emerged a wide range of interpretations. Some closely associated to the theme, others requiring teasing out, reading carefully, then appreciation as the connection becomes clear.

It's one of the joys of receiving and editing the magazine. The unexpected, the moving emotional or occasionally humorous manuscripts which arrive, anonymous and awaiting our deliberations.

This edition, we're most grateful to Robin Lloyd-Jones for his insightful contributions to the process.

We're also extremely delighted that Elena Marinicheva, writer and translator of Ukrainian literature, so readily responded to our request to contribute as our international featured writer. Generously, she suggested providing the war time diaries of Ukrainian writers caught up in the conflict in their country.

As a result, we have insight into the remarkable recordings and eyewitness accounts of an artist, a poet, a critic and an engineer.

Elena has also supplied English and Russian translations from the original Ukraine. Her arrival into Edinburgh as City of Literature Writer-in-residence for 6 months, is a wonderful opportunity to learn more about the language and literature of a country under duress.

As convener of Writers-in-exile committee, I am grateful to Samina Chaudry and Moira McPartlan for their editorial expertise, and to the staff at Scottish PEN office for their administrative and design skills.

I hope you enjoy reading the magazine and consider contributing your own writing to the next edition, which will be on the theme of 'Water'.

Liz Niven

Convener, Writers-in-Exile Committee.

December 2022

FOREWORD

Robin Lloyd-Jones

I have long admired the amazing work done by Scottish Pen's Writers in Exile Committee, so I was thrilled to be invited as guest editor for the PENing Magazine. The standard of entry was high. On display are empathy and caring, intensity and passion and some immensely skilled writing. Several fine submissions didn't quite make the final selection. I'm glad to have had the opportunity to read them. The range of interpretation of the well-chosen theme of 'Making' was fascinating. The sensitive appreciation of these submissions by my colleagues on the editorial panel and our positive discussion has made the whole process for me a huge pleasure. Well done to everyone involved!

- - -

Robin Lloyd-Jones

Robin Lloyd-Jones is an award-winning author of 17 published books . He writes both fiction (mostly historical novels and short stories) and non-fiction (travel, outdoor and environmental topics). His publishers include Gollancz, Arena, Hutchinson, Canongate and Sandstone Press.

After an early childhood in India Robin went to school in Devon and then to Cambridge University, obtaining an MA in Social Anthropology. He retired early from a career in education to focus on his writing. Robin has lived in Scotland for more than half a century and now resides on the west coast with his wife and two cats. Until recently he was a keen hill-walker and sea kayaker and remains active with his camera. Robin is a former president of Scottish PEN and remains an active campaigner on behalf of persecuted writers

Robin's most recent books are Argonauts of the Scottish Isles (Birlinn, 2022), Scottish Wilderness Connections (Rymour Books 20021), The New Frontier: Making a difference in later life (ThunderPoint Publishing, 2019), Autumn Voices: Scottish writers over 70 talk about creativity in later life (PlaySpace Publications, 2018).

www.robinlloydjones.com

www.autumnvoices.co.uk

ELENA MARINICHEVA

Elena was born in Zaporizhzhia, Ukraine (then part of the Soviet Union), studied at the high school №31, where all the subjects were taught either in English or in Ukrainian. She graduated from the Lomonosov Moscow State University (MSU), Department of Journalism, majored in literary criticism, and did her master's under Professor Anatoly Georgievich Bocharov, founder of the Chair of Literary Criticism at MSU.

Elena worked for and published in well-known editions: Moscow News, The New Times, Novaya Gazeta, Computerra, Literaturnoye Obozrenie, Druzhba Narodov, Novaya Yunost, Noviy Mir. Since the 2000s she has been doing literary translation – mostly from Ukrainian, but also from English, into Russian. Her translation work includes many leading Ukrainian authors among whom are Oksana Zabuzhko, Maria Matios, Serhiy Zhadan, Evgenia Kononenko. She has also translated - together with Leonid Maslyuk - several SF books from English ("Quarantine" by Greg Egan, and some others).

Elena's most important translation works are the books "Fieldwork in Ukrainian Sex" and "Museum of Abandoned Secrets" by Oksana Zabuzhko, 'Sweet Dariusya' by Maria Matios, and 'The Orphanage' by Serhiy Zhadan. Not only she translated a lot of books from Ukrainian, but also published her own critical essays and articles on Ukrainian culture and history.

Elena is a laureate of prestigious award from Noviy Mir magazine for her translations from Ukrainian and reviews of new Ukrainian literature. In 2022 she's been awarded the Nora Gal translators' prize.

Elena says: "I want people to understand each other. Even now, in the wartime. Especially now. If only in more concrete sense, - that people who stand against aggression could understand and support each other".

Elena Marinicheva is a member of Literary Translation Guild (Moscow) and PEN Ukraine.

TRYMAIMOSYA!

From the translator:

“Trymáimosya”. Is it possible to find an exact translation of this word, the word so often spoken today in the Ukrainian language? People say it to each other, say it to themselves, write it in letters, emails, and text messages to friends, to their dearest ones, use it when they meet and when they part. What is the meaning of this word? “Holding on”, “keep standing”, “not giving up”. And also, “not losing heart”. Or even, sometimes, “I love you”. All this in the same word. That is why I want to leave it as it is, without translation, and make it the title of this small collection of diary notes created by Ukrainian authors on the social networks, notes taken during several months of this year – February-March and October-November. These are voices of the people whose peaceful life exploded on 24th of February, and they complement one another as a documentary but also alive reflection of the terrible months of war.

* * *

24, February. [Sergiy Lapko, engineer, Borovaya village, Kyiv region:](#)

Woke up because of war. Can hear explosions. Trymaimosya! May God protect our army.

25, February. [Sergiy Lapko:](#)

Forced myself to eat. Too much of a rollercoaster – coffee, cigarette, coffee, cigarette – treason, victory, treason, victory... Forced myself to eat, and the head cleared a little. Tomorrow we'll start building redoubts with the villagers, fortifications, sort of. It is good I ate. Gotta sleep if just a little, but sleep comes not since didn't sleep yesterday either.

1, March. [Lesia Synychenko, painter, city of Chernihiv:](#)

Yesterday, for the first time in five days, slept not wearing jeans and on fresh bedding, but today am in a basement again. Somewhat ominous silence all night long. Expectation of the worst. Waking up for the second time from a panic attack. Lack of light and space. The thought occurred that the war was just a dream. Began to breathe slowly. Hugged my dog Blondie. She was sleeping on the bench next to me, moved closer at once. She also feels calmer this way. Holding her paw all night long, and it makes me feel better. Realized yet again how good it is we'd got a dog. Yesterday was a real hard day. In the morning, wanted to weep and weep. For the first time in these five days. Spent half-pack of tissues and returned to reason. Because tissues should be economized. However, the emergency backpack I take

to the basement with me is getting lighter by the day, my needs are decreasing.
Today it snowed. The first day of spring.

A few days before the war I had a dream that I was walking in the city looking for a place to wash myself. And some woman in a fur hat leads me to a trolleybus saying this is the right place to do it.

The trolleybus goes around the city, and naked people stand there washing themselves under the showers, unembarrassed. The woman in a fur hat is chased out of the trolleybus, they say 'you have fleas, get out of here'.

3, March. Lesia Synychenko:

Each day begins with smoke. The news almost vanished. Now you can only guess what is burning this time. The mood flips in an instant.

A rollercoaster from tears to hatred. From deep confusion to anger. A cocktail of fear and love. Despair, moments of apathy. And besides - rage, rage, rage. Everything inside yourself is switching instantly. The tears go as quickly as they come.

Waiting is the worst. Silence scares but any rustle causes a fit of panic. You listen intensely to any sound.

In the night you hide your ears under the blanket. You carefully cover your head. And sometimes you even sleep.

An illusion of safety that doesn't save.

Something awful goes on nearby. And the walls of this basement are just props, scenery in a theater.

Like your blanket, they don't even absorb the roar of the airplanes. It seems that there's no house at all, that none of its three storeys exist and the airplanes are dashing over in the sky right above our heads. Thunder. The walls shudder. The wooden bench shifts under me. The window glass trembles, but the loudest are my heartbeats.

Despair. I feel despair.

7, March. Sergiy Lapko, engineer, Borovaya village, Kyiv region:

Let's keep calm. Everyone to stay at their place. Doing what is needed, what we are good at. For victory. Taking care of ourselves. Taking care of all of our dearest.

7, March. Hanna Ulyura, literary critic, city of Kyiv – city of Lviv (on the road to evacuation):

I do not want to forget things like this. When was it? The day before yesterday, I think. I'm wrestling with the last stretch of the route to Lviv, all is already quiet but the tension's still high. A company vehicle clings on behind me, with Kyiv plates, packed full of kids and women, a teenager at the wheel. He drives without confidence,

probably very tired. I wave to him like: 'keep on my tail, I'll lead', 'cause the road is bad and tangled.

We pass the villages and pull over. I ask if he's OK, maybe needs help? He says: look, the engine keeps stalling, am I changing gears right? He's seventeen, looks like all of forty. They allowed those ready to take the risk and leave to take a company vehicle. This one risked it. Come, let me hug you, I say, I'll explain about the fourth gear.

7, March. Hanna Ulyura, literary critic, city of Lviv:

Here, it's quiet. Here, there's petrol, cigarettes, fresh bakery. It is so quiet, here. And the people here are unnerved and frightened much more than in Kyiv. Exchanging letters with my mum who stays under the shelling for yet another day (exactly which day, in fact? How to measure them?). She's telling me, calmly, how she's planning to have breakfast. And only starts to cry when I speak about myself: how the people who don't know me invited me to their home, a girlfriend of my friend, and her mother sent some bread and vareniki for me. And it is this kindness, the kindness but not the horror, that my mum is crying about. Under shellfire. It is so quiet here. Kyivans write to me: come on, here it is quiet, just compare it with Kharkiv, Bucha, Mykolaiv right now. Here, they write, it is really quiet. A man just showed up – he was missing after the air attacks, they searched for him all day long. Scratched, but otherwise whole. It is just quiet, I'm telling you. "Want me to bring you back here?", - she asks, and laughs.

8, March. Sergiy Lapko, engineer, Borovaya village, Kyiv region:

Was walking back home from work today, along Pushkinskaya street. There was no public transport, so I walked. Horribly exhausted, because I didn't sleep yesterday. Just didn't, could not fall asleep. In the daytime still managed to block Bucha and Irpen from my mind, but the moment I close my eyes the block is no more. So, I'm walking, it is still day, clear view. One cruise missile flew over, two more later, in a different direction. People are walking, talking between themselves, and 300-400 meters above their heads death has just flown, and there's no way to stop it. Not to track it down, not to call it in, not to shout a warning – nothing.

8, March. Oleh Kotsarev, poet, city of Bucha:

1.
hastily running down
from the fifth floor
with my five year old daughter
and for a second it feels funny:

our feet are dangling in the air,
we actually cling
only to one another
“kosmonavty”
kotsmonavty*

2.

you begin to skip
the air strikes alerts
like a high-school student
skips classes

3.

who is moving
inside the dark house
in front of your dark house
the house
in which
your dark hair moved?

5.

contents of the backpack:
running away from the shelling,
took the book of verses with me
don't know why, though.
“contents of the man's pocket”

6.

A refugee's game is not fair:
Hides eight words from
Eight different dialects
Up inside his sleeve

14, March. Iya Kiva, poetess, city of Donetsk – city of Kyiv – city of Lviv:

We hear sirens clearly, but do not go anywhere. In the corridor we have a huge mirror in the wardrobe, and glass in the doors. The nearest good air-raid shelter is 12 minutes away. Perhaps there's a basement in the house. Well, after all it is Lviv, we reassure ourselves, looks like it is quiet here. After eight years of asking yourself a question “why are you still alive?”, your relations with the fear are getting so bad, you don't say hello to each other for years. Only in the night you look through the window and see how many people are doing everything right: walk down the stairs, go into the street, run, hide.

What I remember well since 2014, is how in the first months in Kyiv many people were asking me: “who scared you so much?”. What they were reading on my face

then, I have no idea at all.

20, March. Sergiy Lapko, engineer, Borovaya village, Kyiv region:

Yesterday, I was reviewing videos I took in the nights, in the time of shelling, battles, air alerts. Some of them only have cannonade on the soundtrack, some are lit by flashes, some are just dark and there's no action. The latter are those I looked for to delete, because there's just a dark screen and my own steps and breathing. I had to watch through all of them before deleting. One seemed just about too long; I thought I had forgotten to switch the recording off. Somewhere in the middle of the lasting absolute silence I heard my own spontaneous prayer. Turned out I was praying, asking the higher powers to protect our innocent civilians who got into this massacre, to turn away a missile, to turn back the enemy's aircraft, turn away the threat. Asking for strength and courage for those who defend the people and the country with arms, and asking to defend those people, too, and asking for good luck for them. I'm not a religious person, even remotely, so the prayer came out convoluted, but right from the heart. I have got some notion, though – some time ago I was building a monastery, so I passed kind of a primary school, one might say. My hope is that my transcendental attempt to influence the course of events had flown into the overall stream of thoughts and prayers of lots of people, or speaking with the pathos due here, of all my nation.

25, March. Bohdana Matiyash, poetess, city of Lviv:

Not long ago I was asking all to pray for my close relatives in Mariupol, and finally received a message from my cousin, yesterday: alive! He's moved, unfortunately, to the so-called 'dpr', from the region he lived the only available corridor led that way, and even there one had to run under fire.. while from other regions, there was a corridor to Zaporizhzhia.

Some of my other relatives are alive and have left, about some, nothing is known. And my aunt, she died a natural death – looks like her heart couldn't bear all this. There was no way to bury her... just carried the body to the nursery school grounds, and poured stones over it.

To those who might, I ask you to pray for newly deceased servant of God Olexandra, who had no funeral, neither coffin, not even a grave of which the family would know and could come there some time to pray... She lived through WWII as a child, but couldn't make it through this inhuman war.

May she rest in peace.

31, March. Bohdana Matiyash:

Here where I am now, it's been raining for several hours already, and I picture the same rain falling down at home, on my flowers... I know that crocuses and liverworts

are already blooming, I think hyacinths are beginning to bloom, too.

I look at the flowers here outside my window, glad that I'm on Ukrainian land, but sadly think, not on that most native land of mine.

I've long known that when I leave home for a long time, I'm especially missing my own land, don't know why.

I'm thinking now about the forest around my house – they say it is totally mined. I imagine, or rather don't want to imagine for how long a time it won't be possible to go for a walk there, not for people, nor for dogs (especially the dogs, as they do not ask where it is allowed to run, are not used to only walking on the paths in the forest, but are used to running wherever they feel like). For what a long time it won't be possible to walk to the lake and listen to the croaking of frogs, watch the ducks. Last autumn I was planting tulips and thinking: "even if there is war, they'll bloom anyway". And that's what has happened: war is here, and tulips are about to bloom... but I'm sad about them, that's what I didn't think of then.

11, October, Lesia Synychenko, artist, Kyiv:

Yesterday morning I was on a train from Chernihiv where the war caught me, to Kyiv. Through the window we saw smoke over Kyiv, fire in a thermal power plant, lots of ambulances and fire trucks. The rail station was unusually deserted, and a blast wave had shattered the windows on the ground floor. I was looking at all this in a somehow detached way, like a spectator in a theatre.

And then I came home and realized that it's starting to overwhelm me, as if it's again February and I am where I was then.

For some reason it became hard to breathe. I had to make an effort to do it.

As if I had forgotten the way you breathe.

And I also couldn't dig any words out of myself. They had disappeared, in an already familiar way.

But when I got home my dog came out, and I was sitting down and touching its ears, and it was nuzzling its wet nose in my palms and wanted me to pet it, and at once I felt calmer. The dog was actually also nervous, because in the morning it heard a rocket get shot down near us with a massive noise, and probably also had a flashback to Chernihiv in February. Then the light was switched off and we all had to go to sleep.

And today was a new day. And I can breathe, again.

Rage requires calm.

11, October. Iya Kiva, poetess, Lviv:

It was marvelous walking in Lviv today. Through the city so full of autumn, so warm, so hushed, which you wanted to hug like a defenseless child. With all its trams like egg yolks that have congealed on the pan wherever air strikes and power outages

had caught them. With people's faces showing not even uncertainty or confusion, but rather an expression like they have just seen God. With queues at petrol stations, queues for water, queues for charging phones where one can do that. With closed shops, with unusable cash machines. With refugees who don't know how to get from one place to another since mobile internet is not working. With stories going round of how everybody's day has been. With quiet smiles, even in the darkness. That subtle, piercing feeling, like what you always get when your nose is about to bleed. In moments like this I always start reciting mentally all the people I love. The living and the dead. Because it's only this string of love that is holding us all.

20, October, Sergiy Lapko, engineer, Borovaya village, Kyiv region:

Went outside to be in time before curfew. Bread, cheese, some stuff for Bernie, cigarettes and what not... It's dark, only rare passers-by with flashlights. Gloom, cold, and very soon we'll have slush, and winter... Firewood – haven't bought that yet, it comes next, crossing out more pressing things first. Will have to estimate how much wood is needed, no idea, it's going to be my first winter on stove heating. Some gas as a reserve.

31, October. Bohdana Matiyash, poetess, city of Kyiv:

I want to remember these evenings, when there is no electric light, but there is a candle and a battery in your laptop. This is how Ukrainians work now in the 21st century.

This is how we edit books, write poetry, analytical pieces, and a plethora of other texts. In high spirits, against all odds. And nobody can break us.

8, November, Lesia Synychenko, painter, city of Vilnius (in evacuation):

Mood

To Artyom (a friend who died)

You want to lie down
As a small stone, extinguished
On the floor of the deepest ocean
Above you are waves and currents
Above you are ships and seagulls
Above you is war.
And you are cozily curled up
And smiling quietly
Because everything has already passed.

«ТРИМАЙМОСЯ!»

Від укладачки:

“Тримаймося!” Це слово мабуть найчастіше зустрічається сьогодні в українській мові. Його говорять один одному та самому собі, пишуть у листах та смс-повідомленнях рідним та найдорожчим, промовляють при зустрічах та прощаннях. Який сенс воно в собі містить? що значить? “Стоїмо”, “не здаємось”, а також - “не падаємо духом”, а інколи й навіть так - “люблю тебе”. І все містить одне слово. Ось чому саме так я вирішила назвати цю добірку, а в своїх перекладах англійською та російською залишила це слово українською. Ці щоденникові дописи були розміщені українськими авторами в соціальних мережах у лютому-березні, та жовтні-листопаді цього року. Тут голоси людей, чиє мирне життя раптово скінчилось 24-го лютого. Вони мовби продовжують да доповнюють одне одного. Це документальні та живі свідчення страшних місяців війни.

* * * * *

25 лютого, Сергій Лапко

Прокинувся, бо війна. Чути вибухи. Тримаймося! Хай бог береже наше військо.

25 лютого, Сергій Лапко

Заставив себе поїсти. Вже забагато тих гойданок - кава, цигарка, кава, цигарка - зрада, перемога, зрада, перемога... Заставив себе поїсти і трошки розвиднілось в голові.

Завтра з сільчанами будуємо редути, короче, укріплення. Добре, що поїв. Ще б поспати, бо сон також не іде - вчора не спав

1 березня, Леся Синиченко, художниця, місто Чернігів:

Вчора я вперше за п'ять днів спала не в джинсах і на свіжій білизні, а

сьогодні знову в підвалі. Вночі стояла якась зловісна тиша. Очікування найгіршого. Вдруге вже прокинулась від панічної атаки. Не вистачає світла та простору. Подумала, що війна мені наснилась. Почала повільно дихати. Обійняла собаку Блонді. Вона спала поруч на лавці. І відразу підсунулась ще ближче. Їй так теж спокійніше. Тримаю її за лапу всі ночі і стає легше. У котрий раз зраділа, що ми завели собаку. Вчора був дуже важкий день. Зранку постійно хотілось плакати. Вперше за ці п'ять днів. Але використала пів пачки серветок і схаменулась. Серветки треба економити. Втім, кожен день тривожний рюкзак, який я ношу у підвал стає легшим, потреби зменшуються.

Сьогодні пішов сніг. Перший день весни.

За кілька днів до війни мені наснився сон, що я ходжу по місту і шукаю, де можна помитись. І якась жінка у хутряній шапці веде мене до тролейбуса і каже, що митись можна там. Тролейбус їздить по місту і голі люди стоять під душами і не соромлячись миються. Жінку в шапці виганяють-кажуть у вас блохи-їдять звідси.

3 березня, Леся Синиченко:

Кожен день починається з диму. Новини майже зникли. І зараз можна лише здогадуватись, що горить на цей раз. Настрій змінюється миттєво.

Гойдалки від сліз до ненависті. Від розгубленості до злості. Коктейль зі страху та любові. Відчай, а моментами апатія. А ще лют, лют, лют.

Всередині тебе все швидко переключається. Сльози зникають так само швидко як і з'являються.

Найгірше - це очікування. Тиша лякає, але і кожен шорох викликає напад паніки. Уважно прислухаєшся до всіх звуків.

Вночі ховаєш вуха під ковдру. Старанно прикриваєш голову. І навіть інколи спиш.

Ілюзія безпеки, що не рятує.

Поруч відбувається щось страшне. І стіни цього підвалу лише бутафорські

театральні декорації.

Вони, як і твоя ковдра, не поглинають навіть гул літаків. Здається дому немає, жодного з трьох поверхів не існує, і вони літають прямо в небі над нами. Грохот. І стіни здригаються. Дерев'яна лавка піді мною рухається. Скло тремтить, але найгучніше стукотить моє серце.

Відчай. Я відчуваю відчай.

7 березня, Сергій Лапко, селище Борова, Київська область:

Кожен на своєму місці. Спокійно. Робимо що треба, що вміємо. Для перемоги. Бережимо себе. Бережимо своїх

7 березня, Ганна Улюра, літературна критикиня, Київ – Львів (по дорозі в евакуацію):

Не хочу таке забувати. Коли це було? Третього дня, здається. Долаю останню ділянку дороги, до Львова, уже все спокійно, але напруга висока. За мною вчепилося корпоративне авто, київські номери, повна машина жінок і дітей, за кермом юнак. Їде непевно, втомлений, мабуть. Показую: давай на хвіст, проведу -- дорога там плутана і погана. Виходимо з сел, зупиняємося. Питаю, чи все гаразд, чи треба поміч. Каже: покажи мені, чи я правильно передачі перемикаю, а то глохне. Йому сімнадцять, виглядає на всі сорок. Корпоративне авто давали тим, хто хоче і ризикне виїхати. Ризикнув. Ходи обніму, кажу, і покажу четверту передачу.

7 березня, Ганна Улюра, місто Львів:

Тут тихо. Тут є бензин, сигарети, свіжа випічка. Тут так тихо. І люди знервовані та перелякані значно більше, ніж в Києві. Переписуюся з мамою, яка під обстрілами уже котрий день (правда, який день, як їх заміряти?). Вона спокійно мені розказує, як планує снідати. І плаче лише тоді, коли я розповідаю: мене прийняли в свій дім незнайомі люди, подруга мого друга, її мама передала хліб і вареники. І від цієї доброти, від доброти, а не від

жаху, плаче моя мама. Під обстрілами. Тут так тихо. Кияни пишуть: та у нас спокійно, порівняй з Харковом, Бучею, Миколаївом от тепер. У нас, пишуть, тихо ж. Знайшлася людина, яку шукали добу. Подряпана, але ціла. Тихо тут, кажу. «Забрати тебе назад?» - питає і сміється.

8 березня, Сергій Лапко, інженер, селище Борова, Київська область:

Йшов з роботи сьогодні, Пушкінською. Не було транспорту - йшов пішки. Змучений страшенно, бо вчора не спав. Таки не спав, не міг спати. Вдень ще вдавалось блокувати Ірпінь і Бучу, а як заплющу очі - блок спадає. Іду, ще день, видно добре. Одна крилата ракета пролетіла, пізніше ще дві в іншому напрямку. Люди ходять, балакають, а у 300/400 метрах над головою полетіла смерть і не спинити. Не впіймати, не подзвонити, не кричати – нічого.

8 березня, Олег Коцарев, поет, місто Буча:

збігаємо з п'ятилітньою донькою
з п'ятого поверху,
і на мить стає смішно:
ноги наші в повітрі бовтаються,
по-справжньому торкаємось
лише одне одного,
космонавти,
коцмонавти.

2.

починаєш прогулювати
тривоги повітряні
як старшокласник.

3.

хто рухається
в будинку темному

напроти твого будинку темного
будинку
в якому
поворухнулося
твоє темне волосся?

5.

вміст рюкзаку:
тікаючи з-під обстрілів
навіщось
узяв із собою
книжку віршів
“вміст чоловічої кишені”

6.

біженець грає
нечисто —
в нього в рукавах
вісім слів
із різних
діалектів.

14 березня, Ія Ківа, поетка, Донецьк – Київ – Львів:

Сирени ми чуємо добре, але нікуди не ходимо. В коридорі в нас величезне дзеркало у шафі, на дверях - скло. До найближчого доброго сховища - дванадцять хвилин. Підвал у будинку ніби є. Але це ж Львів, заспокоюємо ми себе, тут ніби спокійно. Коли вісім років ставиш собі питання “чому тебе не вбило”, стосунки зі страхом псуються так, що ми роками одне з одним не вітаємося. Лише дивлячись у вікно вночі, бачиш, скільки людей роблять усе правильно: спускаються, виходять на вулиці, біжуть, ховаються.

Але що добре пам’ятається з 2014 року: у перші місяці в Києві безліч людей

питало в мене “хто вас так налякав”. Це що ж таке було написано тоді на моєму обличчі - навіть не уявляю.

20 березня, Сергій Лапко, інженер, селище Борова, Київська область:

Вчора передивлявся відео, що знімав декілька разів вночі під час обстрілів, під час боїв, повітряних тривог. Частина з них озвучена гарматною канонадою, частина підсвічена спалахами, частина - темно і нічого не відбувається. Власне їх і шукав щоб видалити, бо там просто темний екран, мої кроки і дихання. Прийшлося передивитись їх, перш ніж видалити. Одне з них аж дуже довгим виявилось, напевно забув вимкнути запис. Десь на середині чорного екрану і абсолютної тиші я почув свою спонтанну молитву. Виявилось що молюсь, звертаюсь до вищих сил з проханням захистити невинних цивільних людей наших, що попали у цю масакру, відвернути ракету, завернути ворожий літак, відвернути небезпеку. Прошу сил і мужності для тих, хто зі зброєю боронить країну і людей, прошу їх захистити також, прошу про вдачу для них. Людина я далека від релігійності, тому молитва моя плутана вийшла, але щира. Мав досвід колись, - будував монастир, пройшов школу молодого бійця. Маю надію, моя трансцендентна спроба впливу як складова додалася до загального настрою дум і молитв багатьох людей, або з пафосом, доречним тут - мого народу.

25 березня, Богдана Матіяш, поетка, місто Львів:

Не так давно я просила молитися за моїх родичів у Маріуполі. Нарешті вчора отримала вістку від двоюрідного брата: живий! виїхав - на жаль, до так званої “днр” - із району, де він жив, коридор був лише туди, та й його долали, біжучи під обстрілами, з інших районів був коридор до Запоріжжя... Частина інших рідних живі, виїхали, ще про частину нічого невідомо. А ось тітка померла.. своєю смертю - видно, не витримало серце того всього.. поховати її не було як.. просто винесли тіло до дитячого садочка й

прикидали камінням.

Хто міг би, прошу молитися за новопреставлену рабу Божу Олександру, яка не мала ні похорону, ні домовини, ні навіть могили, місце якої знали би рідні й могли туди колись прийти помолитися... Другу світову війну пережила дитиною, а цієї нелюдської війни вже не витримала.

Вічна їй пам'ять.

30 березня, Богдана Матіяш:

Тут, де я є тепер, уже декілька годин іде дощ, і я уявляю, що такий самий дощ іде в мене вдома, на мої квіти.. знаю, що там тепер цвітуть крокуси і печіночниця, думаю, що вже розцвітають гіацинти.

Дивлюся на квіти, які цвітуть зараз за вікном, радію, що я на українській землі, але сумую, що не на тій, найріднішій.

Віддавна знаю, що коли кудись надовго їду з дому, завжди особливо сумую саме за своєю землею, - не знаю, чому.

Думаю зараз про ліс довкола мого дому -- кажуть, він весь замінований.

Уявляю -- а точніше, не хочу навіть уявляти, - скільки часу не можна буде піти туди на прогулянки ні людям, ні псам (псам особливо, вони ж не питають, куди можна бігти, і не звикли ходити в лісі лише по стежках, звикли бігти, куди хочеться). Скільки часу не можна буде піти до озера, послухати кумкання жаб і подивитися на качок.

Коли садила восени тюльпани, думала: "навіть якщо буде війна, вони все одно цвістимуть"... Так воно й сталося: є війна, а тюльпани готуються цвісти.

А я за ними сумую -- ось про це не подумала.

11 жовтня, Леся Синиченко, художниця, місто Київ:

Вчора зранку я їхала потягом з Чернігова до Києва. З вікна ми бачили дими над Києвом, пожежу на тец, купу швидких та пожежних. Залізничний вокзал був незвично порожнім, а вікна на першому поверсі винесло вибуховою хвилею. Я на все це дивилась якось відсторонено, як глядач в театрі.

А потім приїхала додому і зрозуміла, що мене трохи накриває, ніби знову лютий і я там, де я була тоді.

Чомусь стало важко дихати. Я це робила через силу.

Неначе забула як це-дихати.

А ще я майже зовсім не могла видобувати слова. Вони вже звично зникли.

Але, коли добралась додому, прийшла собака, і я сиділа і мовчки торкалася її вух, а вона тикалась мені в долоні своїм мокрим носом, і хотіла, щоб її гладили, і мені відразу стало спокійніше. Насправді собака була теж знервована, бо зранку почула як поруч з нами дуже гучно збили ракету. І мабуть також опинилась в чернігівському лютому.

Потім вимкнули світло і всім довелось спати.

А сьогодні був новий день. І дихати я знову можу.

Лють вимагає спокою.

11 жовтня, Ія Ківа, поетка, місто Львів:

Так дивно сьогодні було йти Львовом. Таким осіннім, таким теплим, таким принишклим, який хотілося обіймати, мов беззахисне дитя. З усіма його трамваями-жовтками, які застигли на пательні міста там, де їх застали ракетні удари та знеструмлення. З людьми, на обличчях яких була навіть не розгубленість, а такий вираз, ніби вони побачили Бога. З чергами на заправках, з чергами по воду, з чергами зарядити телефон, де це можливо. З зачиненими магазинами, з непрацюючими банкоматами. З біженцями, які не знають, як дістатися з однієї точки в іншу, бо не працює мобільний інтернет. З оповідями по колу, як минув цей день. З тихими усмішками навіть у темряві. Таке щемке відчуття, як завжди буває перед тим, коли кров має политися з носа. У такі миті завжди перелічую подумки тих, кого люблю. Серед живих і мертвих. Бо ця вервечка любові нас і тримає.

20 жовня, Сергій Лапко, інженер, селище Борова, Київська область:

Ходив, щоб до комендантської вспіти. Хліб, сир, для Берні щось, цигарки і

там ще...

Темно, рідкі перехожі з ліхтариками. Мряка, холодно, а незабаром зовсім сльота, зима... Дрова - дрова ще не купив, це слідуючий пункт, спочатку викреслю актуальний. Треба розрахувати кількість тих дров, без поняття, першу зиму буду на пічному. Газ на підстраховку.

31 жовтня, Богдана Матіяш, поетка, місто Київ:

Хочу запам'ятати ці вечори, коли світла немає, але є свічка й заряд батареї в ноутбучі. Ось так українці працюють у XXI столітті.

Так ми редагуємо книжки, пишемо вірші, аналітику й розмаїті інші тексти. Із чудовим настроєм, попри все. І нікому нас не зламати.

8 листопада, Леся Синиченко, художниця, місто Вільнюс (в евакуації):

Настрій

Артему (другу, що загинув)

Хочеться лежати

Згаслим камінчиком

На дні найглибшого океану

Над тобою хвилі і течії

Над тобою кораблі та картини

Над тобою війна.

А ти лежиш згорнувшись у вузлик

І тихенько посміхаєшся

Бо вже все пройшло.

«ТРИМАЙМОСЯ!»

От переводчика:

«Тримаймося!». Можно ли абсолютно точно перевести это слово, так часто звучащее сегодня в украинской речи? Его говорят друг другу и самим себе, пишут в письмах и телефонных сообщениях родным и близким, произносят при встречах и расставаниях. Что оно означает? «Держимся», «стоим», «не сдаёмся». А можно ещё так: «не падаем духом». А порой даже так: «люблю тебя». И всё в одном слове! Вот почему я хочу оставить его без перевода и именно так назвать эту небольшую подборку дневниковых записей, размещённых украинскими авторами в социальных сетях в феврале-марте и октябре-ноябре этого года. Голоса людей, чья мирная жизнь взорвалась 24-го февраля, дополняют друг друга как документальное, но и живое свидетельство страшных месяцев войны.

* * * * *

24 февраля. Сергей Лапко, инженер, село Боровая, Киевская область:

Проснулся, потому что война. Слышно взрывы. Тримаймося! Пусть бог бережёт наше войско.

25 февраля. Сергей Лапко:

Заставил себя поесть. Слишком много этих качелей – кофе, сигарета, кофе, сигарета – пропали, победа, пропали, победа... Заставил себя поесть и немного прояснилось в голове. Завтра с сельчанами строим редуты, короче, укрепления. Хорошо, что поел. Ещё бы поспать, потому что сон тоже не идёт – вчера не спал.

1 марта. Леся Синиченко, художница, г.Чернигов:

Вчера я впервые за пять последних дней спала не в джинсах и на свежем

постельном белье, а сегодня снова в подвале. Ночью стояла какая-то зловещая тишина. Ожидание наихудшего. Уже второй раз просыпаюсь от панической атаки. Не хватает света и пространства. Подумала, что война мне приснилась. Стала медленно дышать. Обняла собаку Блонди. Она спала рядом на лавке. И сразу пододвинулась ещё ближе. Ей так тоже спокойнее. Держу её за лапу всю ночь и становится легче. В который раз порадовалась, что мы завели собаку. Вчера был очень трудный день. С утра постоянно хотелось плакать. Впервые за эти пять дней. Но истратила пол-пачки салфеток и опомнилась. Салфетки надо экономить. Впрочем, каждый день тревожный рюкзак, который я ношу в подвал, становится легче, потребности уменьшаются.

Сегодня пошёл снег. Первый день весны.

За несколько дней до войны мне приснился сон, что я хожу по городу и ищу, где можно помыться. И какая-то женщина в меховой шапке ведёт меня к троллейбусу и говорит, что мыться можно там. Троллейбус ездит по городу и голые люди стоят под душами и не стыдясь моются. Женщину в шапке выгоняют – говорят, у вас блохи, уходите отсюда.

3 марта, Леся Синиченко, г. Чернигов:

Каждый день начинается с дыма. Новости почти пропали. И теперь можно только догадываться, что горит на этот раз. Настроение меняется мгновенно.

Качели от слёз до ненависти. От растерянности до злости. Коктейль из страха и любви. Отчаяние, а моментами апатия. А ещё ярость, ярость, ярость. Внутри тебя всё быстро переключается. Слёзы пропадают так же быстро, как и появляются.

Наихудшее – это ожидание. Тишина пугает, но каждый шорох вызывает приступ паники. Внимательно прислушиваешься ко всяким звукам.

Ночью прячешь уши под одеяло. Старательно прикрываешь голову. И даже иногда спишь.

Иллюзия безопасности, которая не спасает.

Рядом творится что-то страшное. И стены этого подвала лишь бутафорские театральные декорации.

Они, как и твоё одеяло, не поглощают даже гул самолётов. Кажется, дома нет, ни один из трёх этажей не существует, и они летают прямо в небе над нами. Грохот. И стены вздрагивают. Деревянная лавка подо мной двигается. Стекло дрожит, но громче всего стучит моё сердце.

Отчаяние. Я чувствую отчаяние.

7 марта, Сергей Лапко, инженер, село Боровая, Киевская область:

Каждый на своём месте. Спокойно. Делаем то, что нужно, что умеем. Для победы. Бережём себя. Бережём своих.

7 марта. Ганна Улюра, литературная критикесса, Киев - Львов (по дороге в эвакуацию):

Не хочу такое забывать. Когда это было? Третьего дня, кажется.

Преодолеваю последний участок дороги до Львова, уже всё спокойно, но напряжение высокое. За мной уцепилось корпоративное авто, киевские номера, полная машина детей и женщин, за рулём паренёк. Едет неуверенно, уставший, наверное. Показываю: давай на хвост, проведу – дорога там плутаная и плохая. Выезжаем из сёл, останавливаемся.

Спрашиваю, всё ли в порядке, не нужна ли помощь. Говорит: покажи мне, правильно ли я переключаю передачи, а то глохнет. Ему семнадцать, выглядит на все сорок. Корпоративное авто давали тем, кто хотел и рискнул выехать. Рискнул. Иди обниму, говорю. И покажу четвёртую передачу.

7 марта. Ганна Улюра, Львов:

Здесь тихо. Здесь есть бензин, сигареты, свежая выпечка. Здесь так тихо.

И люди изнервничавшиеся и испуганные намного больше, чем в Киеве.

Переписываюсь с мамой, которая под обстрелами уже который день (а

правда, - который день? как их замерять?). Она спокойно мне рассказывает, как планирует завтракать. И плачет только тогда, когда рассказываю я: меня приняли в свой дом незнакомые люди, подруга моего друга, её мама передала хлеб и вареники. И от этой доброты, от доброты, а не от ужаса, плачет моя мама. Под обстрелами. Здесь так тихо. Киевляне пишут: да у нас спокойно, сравни с Харьковом, Бучей, Николаевом сейчас. У нас, пишут, тихо же. Нашёлся человек, которого – после бомбёжек - искали сутки. Поцарапанный, но целый, живой. Тихо тут, говорю. Забрать тебя назад? – спрашивает и смеётся.

8 марта. Сергей Лапко, инженер, село Боровая, Киевская область:

Шёл сегодня с работы, Пушкинской улицей. Не было транспорта – шёл пешком. Измученный страшно, потому что вчера не спал. Таки не спал, не мог спать. Днём ещё удавалось блокировать Ирпень и Бучу, а как закрою глаза – блок спадает.

Иду, день ещё, видно хорошо. Одна крылатая ракета пролетела, позднее ещё две в другом направлении. Люди ходят, разговаривают, а в 300-400 метрах над их головами полетела смерть и не остановить. Не поймать, не позвонить, не закричать – ничего.

8 марта. Олег Коцарев, поэт, г. Буча:

сбегаем с пятилетней дочкой
с пятого этажа,
и на мгновенье становится смешно:
наши ноги в воздухе болтаются,
по-настоящему касаемся
только друг друга,
космонавты,
коцмонавты.

2.

начинаешь прогуливать
тревоги воздушные
как старшекласник.

3.

кто движется
в доме тёмном
напротив твоего дома тёмного
дома
в котором
пошевелились
твои тёмные волосы?

5.

содержимое рюкзака:
убегая из-под обстрелов
зачем-то
взял с собой
книжку стихов
«содержимое мужского кармана»

6.

беженец играет
нечисто —
у него в рукавах
восемь слов
из разных диалектов

14 марта. Ия Кива, поэтесса, г.Донецк-г.Киев - г.Львов:

Сирены мы слышим хорошо, но никуда не ходим. В коридоре у нас
огромное зеркало в шкафу, двери — со стеклом. До ближайшего хорошего

бомбоубежища – двенадцать минут. Подвал в доме вроде бы есть. Но это же Львов, успокаиваем мы себя, тут как будто спокойно. Когда восемь лет ставишь перед собой вопрос «почему тебя не убило?», отношения со страхом портятся так, что мы годами друг с другом не здороваемся. Только глядя в окно ночью, видишь, сколько людей делают всё правильно: спускаются, выходят на улицу, бегут, прячутся.

Но что хорошо помнится с 2014-го года: в первые месяцы в Киеве множество людей спрашивали у меня: «кто вас так напугал?». Это что же тогда такое было написано на моём лице – даже не представляю.

20 марта, Сергей Лапко, инженер, село Боровая, Киевская область:

Вчера пересматривал видео, которые снимал по ночам во время обстрелов, во время боёв, воздушных тревог. Часть из них озвучена канонадой, часть подсвечена вспышками, часть – тёмные, ничего не происходит. Собственно последние-то и искал, чтоб удалить, потому что там просто тёмный экран, мои шаги и дыхание. Пришлось их все пересмотреть, прежде чем уничтожить. Одно из них оказалось уж слишком длинным, наверное, - подумал - забыл выключить запись. Где-то в середине длящейся абсолютной тишины я услышал свою спонтанную молитву. Оказалось, что молюсь, обращаюсь к высшим силам с просьбой защитить невинных гражданских людей наших, что попали в эту масакру, отвратить ракету, завернуть вражеский самолёт, отвратить опасность. Прошу сил и мужества для тех, кто с оружием в руках защищает страну и людей, прошу и их самих защитить тоже, прошу об удаче для них. Человек я далёкий от религиозности, поэтому молитва у меня путаная вышла, но от души. Был опыт когда-то, - строил монастырь, прошёл, что называется, школу молодого бойца.

Есть у меня надежда, что моя трансцендентная попытка повлиять на ход событий влилась в общий настрой дум и молитв многих людей, или даже – с пафосом, уместным тут – всего моего народа.

25 марта. Богдана Матияш, поэтесса г.Львов:

Недавно я просила молиться за моих родных в Мариуполе, наконец вчера получила известие от двоюродного брата: живой! выехал. К сожалению, в так называемую «днр» - из района, где он жил, коридор был только туда, да и тот преодолевали бегом, под обстрелами... из других районов был коридор в Запорожье.

Часть других родных живы, выехали, про некоторых ничего неизвестно.

А вот тётя умерла своей смертью – видимо, не выдержало сердце всего этого... Не было возможности похоронить её... просто вынесли тело к детскому садику, засыпали землёй и прикидали камнями.

Кто может, прошу молиться за новопреставленную рабу Божью Олександру, у которой не было ни похорон, ни гроба, ни даже могилы, место которой знали бы родные и могли прийти туда помолиться... Вторую мировую войну пережила ребёнком, а этой нечеловеческой войны уже не выдержала. Вечная ей память.

31 марта. Богдана Матияш:

Здесь, где я сейчас нахожусь, уже несколько часов идёт дождь, и я представляю, что такой же дождь идёт у меня дома, на мои цветы... знаю, что там сейчас цветут крокусы и печёночницы, думаю, что уже распускаются и гиацинты.

Смотрю на цветы за окном, радуюсь, что я на украинской земле, но грущу, что не на той, самой родной.

С давних пор знаю, что когда надолго еду из дома куда-нибудь, всегда особенно скучаю именно по своей земле, не знаю, почему.

Думаю сейчас про лес вокруг моего дома – говорят, он весь заминированный. Представляю – а точнее, не хочу даже представлять,

- сколько времени нельзя будет пойти туда на прогулку ни людям, ни собакам (собакам особенно, они же не спрашивают, куда можно бежать, и не привыкли ходить в лесу только по тропинкам, привыкли бегать, куда им хочется). Как долго нельзя будет пойти к озеру, послушать кваканье лягушек и посмотреть на уток.

Когда осенью сажала тюльпаны, думала: «даже если будет война, они всё равно зацветут». Так и случилось: война есть, а тюльпаны собираются расцветать... но я скучаю по ним – вот об этом не подумала.

11 октября. Леся Синиченко, художница, г.Киев:

Вчера утром я ехала на поезде из Чернигова, где застала меня война, в Киев, домой. Из окна мы видели дымы над городом, пожар на ТЭЦ, много скорых и пожарных машин. Железнодорожный вокзал был непривычно пуст, а окна на первом этаже вынесло взрывной волной. Я на всё это смотрела как-то отстранённо, как зритель в театре.

А потом приехала домой и поняла, что меня немного накрывает, словно опять февраль, и я там, где была тогда.

Почему-то стало тяжело дышать. Я делала это через силу.

Словно забыла, как это – дышать.

А ещё я почти совсем не могла вытащить из себя слова. Они уже привычно исчезли.

Но когда оказалась дома, пришла собака, и я сидела и трогала её уши, а она тыкалась мне в ладони своим мокрым носом и хотела, чтоб её гладили, и мне сразу стало спокойнее. На самом деле собака тоже нервничала, потому что утром слышала, как рядом с нами очень громко сбили ракету, и наверное, оказалась в черниговском феврале. Потом отключили свет и всем пришлось лечь спать.

А сегодня был новый день. И дышать я снова могу.

Ярость требует спокойствия.

11 октября. Ия Кива, поэтесса, Львов:

Так удивительно было сегодня идти по Львову. Такому осеннему, такому тёплому, такому притихшему, который хотелось обнимать, словно беззащитное дитя. Со всеми его трамваями- желтками, застывшими на сковородке города там, где их застали ракетные удары и отключение электричества. С людьми, на лицах которых была даже не растерянность, а такое выражение, будто они увидели Бога. С очередями на заправках, с очередями за водой, с очередями зарядить телефон там, где это возможно. С закрытыми магазинами, с неработающими банкоматами. С беженцами, не знающими, как попасть из одной точки в другую, потому что не работает мобильный интернет. С рассказами по кругу, как прошёл этот день. С тихими улыбками, даже в темноте. Такое щемящее чувство, которое всегда бывает перед тем, как из носа пойдёт кровь. В такие мгновения всегда мысленно перечисляю всех, кого люблю. Среди живых и мёртвых. Потому что только эта вервица любви нас и держит.

20 октября. Сергей Лапко, село Боровая, Киевская область:

Ходил, чтоб успеть до комендантского. Хлеб, сыр, для Берни что-нибудь, сигареты, ну там ещё... Темно, редкие прохожие с фонариками. Сумрачно, холодно, а совсем скоро слякоть, зима... Дрова – дрова ещё не купил, это следующий пункт, сначала вычеркну более актуальное. Нужно рассчитать количество тех дров, без понятия, первую зиму буду на печном. Газ на подстраховку.

31 октября. Богдана Матияш, поэтесса, г. Киев:

Хочу запомнить эти вечера, когда нет света, но есть свечка и заряд батареи в ноутбуке. Вот так украинцы работают в XXI веке.

Так мы редактируем книжки, пишем стихи, аналитику и другие разнообразные тексты. С прекрасным настроением, вопреки всему. И никому нас не сломить.

8 ноября. Леся Синиченко, художница, г.Вильнюс (в эвакуации):

Настроение

Артёму (погибшему другу)

Хочется лежать

Погасшим камешком

На дне глубочайшего океана

Над тобой корабли и чайки

Над тобой война.

А ты лежишь, свернувшись калачиком

И тихонько улыбаешься

Потому что уже всё прошло.

PROSE

LORETTA MULHOLLAND

After a career in education in Scotland and Thailand, Loretta Mulholland completed an MLitt in Creative Writing from Dundee University. She is now studying for a PhD in English there, combining both History and Creative Writing in a study of the writing of Isabella Bird. Loretta is Fiction Editor and a reviewer for Dundee Review of the Arts online magazine and for D. C. Thomson. She lives in Fife with her family and enjoys walking the Coastal Path.

MAKING PAST CONNECTIONS

Loretta Mulholland

Prince Abdul Rahum's Kirmanshah,

Persia, Feb. 2nd, 1890

On January 10th I left Bagdad with 16 mules, an English Officer, 3 Afghan soldiers, and an escort of mounted Turkish soldiers. We had had an awful journey up to this point, mostly through snow from 18 inches to 3 feet deep at a height much higher than Ben Nevis, with the thermometer generally below zero, floundering about in the snow on mules, for from 6 to 10 hours daily. I have come to think parched pease a luxury, so abominable is the food. You would hardly believe in what horrible places I slept at night, sometimes in a huge stable, where there are 500 mules and their drivers, and often in Kurdish houses quite dark, with a fire of cow dung in the middle of the floor and men, mules, horse, asses, cows, and poultry all together. In such houses I have a mat to screen me from the crowd. We were attacked in one of these, and the soldiers had to use their swords. We still have a journey of three weeks through snow before we can see any English people. I never see any women. They are kept locked up and never go out. They have nothing to do and see no one. If a woman of the poorer class has occasion to go out to get food, she put(s) on a black mask and a large blue sheet which covers her from head to foot. Any woman going out otherwise would be put to death.

...

Mull Museum, Tobermory, 12 July 2021

These are the words of Isabella Bird, written in a letter to the YWCA on the Isle of Mull in 1890. I visited the island this year to find out more about Isabella's life there, living in The Cottage by the then newly constructed Western Isles Hotel in Tobermory. The Cottage was primarily the home of her sister, Henrietta, the main recipient of Bird's travel letters prior to this time. But Henrietta died of typhoid in 1880 and was carried in a casket out of her home by islanders who were in fear of their own lives. Isabella had written profusely to her sister on her travels to Hawaii, America and Japan and these were the basis of three of her most celebrated works – Six Months in the Sandwich Islands, amongst the Palm Groves, Coral Reefs and Volcanoes, A Lady's Life in the Rocky Mountains and Unbeaten Tracks in Japan: Travels of a Lady in the Interior of Japan.

After Henrietta's death Isabella's writing arguably became less personal, less observant of the effect of nature on the senses, less passionate and more politically focused and research based. Reading letters like this one from Persia, it is little wonder. The content sent a chill through me as I sat in the library of the tiny museum in Tobermory and Isabella's memorial clock to her sister chimed outside the window. It stands at the harbour now, a favourite seat for visitors, offering shade from the beating sun on this heatwave of a day at one side, burning the skin off their legs at others.

I had photographed the clock tower from all angles the day before, recording the exact wording of the memorial plaque:

ERECTED BY

MRS. J. F. BISHOP

IN MEMORY OF HER SISTER

HENRIETTA AMELIA BIRD

WHO DIED IN TOMERMORY 4TH JUNE 1880

ERECTED 1905

and noting the hatch which workers had to squeeze through to wind it up on another side.

I planned to go through the box of archives that held the collection relating to the centenary celebrations of the clock the next day. The festivities were held on 8th October 2005 and attended by honoured guests such as Isabella's second biographer, Pat Barr (her first was Anna Stoddart who wrote her biography in 1905 following Isabella's own death in 1904) and her self-professed 'twin time traveller' Professor Kiyonori Kanasaka all the way from Kyoto University in Japan.

I digress however from the content of this letter and its impact on me. When I read the original, I tried to imagine the recipients' reactions. They sat in the Aros Hall, resplendent in its rebuild after a recent fire, sipping tea in the bustling little town, in their array of long gowns, high necked blouses, tight skirts and jackets, listening intently as Mrs Allan (of Aros House which once stood in the car park of what is now Aros Park) read the contents.

Much of the letter is in praise of Christ, God, and the Christian way. Isabella was strong in her religious beliefs, brought up in this culture by a father who was a minister that protested vehemently against any non-religious activity on the Sabbath, and she was, of course, writing for a captive Christian audience at the YWCA. But beyond these strict religious views (the Aros Hall had originally been a Temperance Hall and both Isabella and Henrietta conformed - except for medicinal reasons when travelling, in the former's case), was a deep concern for the moral welfare and education of the young women of the island and a deeper fear for the women of Persia.

Isabella Bird was witness to the suppression of women and denial of their

rights at first hand. As 21st century readers, we can interpret her attitudes to the 'heathen cultures' as imperial and offensive. Bird was a product of the British Empire and despite her worldwide travels and her experiences in the East, she was as much a colonialist as her male counterparts. But this did not stop her commenting on perceived restrictions and dangers to women that existed in some countries that she visited (note that Bird herself was guarded by British Army officials and an indigenous swordsman, whom she placed little trust in).

Remarkably, this letter was written from the Prince's Palace in Persia. The much quoted and famed solo female traveller was no longer slumming it in a military tent at this point. She was a guest of honour, but it didn't stop her asking the question that was so recently asked in this country today, 'Where are the women?'

Sara Sheridan asked this question with reference to the lack of statues to commemorate what women had achieved in Scotland, but Bird asked the question with much darker implications. She did not see women in the streets of Persia.

Her words sent shivers through me, but what has left the deepest impression is the reporting of her letter in the local newspaper, The Oban Times. The content was transcribed word for word, but it was the reaction of the audience which astounded me. The letter was read out, amidst other business such as selections of Highland music on the organ, the observation of objects lent for the meeting, an address on the aims and origin of the Association and a rendition of the Skye Boat Song. When Mrs Allan had finished reading, hymns were sung, and tea was served once more.

The business of the meeting was done, while out there in the Middle East, Isabella Bird lay in a bedroom with a gun by her side, shaking at the thought of carrying on her travels. She had been attacked at camp when swords were drawn; she'd watched as people were stoned in the streets for minor crimes. She

longed for the safety of The Cottage in Tobermory and the comfort of tea and cakes at Aros Hall. She was not sure if she'd ever return:

The risks I have yet to run are great from cold, hardships, robber, and the cholera which has broken out on the road. I must travel, and often I feel how unlikely it is that I shall see my dear cottage or look upon your faces again. More likely by far that the river of death will roll between you and me ...

But Isabella's letter provided the bulk of an evening's entertainment at the YWCA and of course, a section of a draft for her next John Murray publication.

Who cared about her or the women's suffering in Persia? As we watch the evacuation of Kabul after the Taliban takeover following the withdrawal of American, British and NATO troops, are we in the UK any less complacent towards the oppression of women in particular, than those YWCA members who sat in the Temperance Hall at Tobermory, drinking tea and wondering about the next item on the agenda?

...

30th September 2022

News Headlines:

Suicide attacker kills at least 19 in Kabul school blast

One wounded student said the victims were mostly girls.

POETRY

Ruth Aylett teaches and researches computing in Edinburgh. Widely published in magazines and anthologies, her pamphlets *Pretty in Pink* (4Word) and *Queen of Infinite Space* (Maytree) came out in 2021.

RUTH
AYLETT

TOM
MURRAY

Tom Murray is a poet, fiction writer and playwright based in Dumfries. He is currently a Poetry Ambassador for the Scottish Poetry Library. Open Book Lead Reader in Eyemouth and Dumfries.

Publications: *The Future is Behind You* (poetry), *Sins of the Father* (play), *The Clash* (play) and *Out of My Head* (fiction).

Jim Aitken is a poet and writer. His recent poetry collection was *DECLARATIONS OF LOVE*, published by Culture Matters in 2022. Jim also works with Adult Education in Edinburgh

JIM
AITKEN

DAVID
HUNTER

Davie is from Falkirk in Scotland and is an MLitt in Creative Writing at the University of Glasgow. As a poet and a writer, his work tries to capture our interaction with our environment through distinctive and original references to science and nature.

A C Clarke has published five full collections and six pamphlets, two of the latter, Owersettin and Drochaid, in collaboration with Maggie Rabatski and Sheila Templeton. Her fifth full collection, A Troubling Woman came out in 2017. She was one of four winners in the Cinnamon Press 2017 pamphlet competition with War Baby. She has been working on an extensive series of poems about Paul and Gala Éluard, later Gala Dalí, and the Surrealist circles in which they moved. The first set of these, Wedding Grief, was published

A C CLARKE

JULIAN COLTON

Julian Colton has had five collections of poetry published including Everyman Street (Smokestack Publishing), Cold Light of Morning (Cultured Llama) and Two Che Guevaras (Scottish Borders Council). He lives in Selkirk in the Scottish Borders. To see more of his poetry, go to – John Colton Poet | Facebook

Brian Hill is a Scottish poet writing in Scots and English. **Film & Drama:** play, 'Pinkybrae'; planetarium productions - Glasgow Space Theatre; short-listed in FilmG 2007 competition for 'Uamh an Oir'. **Online:** Poetry24; Here Comes Everyone; Scots Language Centre's 'Makar o the Month', February 2022 . Print: 'Photograph'- 'A Glimmer of Cold Brine' (AUP, 1988); Written Tales, 'Tis the Season'; December 2020; Poets Republic, Issue 9; Spirit of Beyond: The Shiant Isles, 2021, Southlight, Issue 30. **Readings:** Forres, Inverness, Gairloch and Glasgow;; recorded poems for Carla Woodburn at Sunny G Radio, Glasgow; twelve online performances. **Pamphlet:** Last Year's Words, 2019.

BRIAN HILL

SHOSTAKOVICH AT THE FOOTBALL

Ruth Aylett

Stillier than the surrounding crowd,
he's held in the warm blanket
of their packed bonhomie,
composing the movement of the players
into larger structural themes.

That sudden 'aah' as the striker misses
could be a sharp upward bow on cellos
over a fierce brass chord he decides.

He feels safer here than at home
where a small bag holds all he'll need
for a first night in prison, just in case.

Behind composition and under fear
a deep sadness at how it's all turned out
that will transform into a sarcastic march.
Knowing that he'll have to apologise.
Hoping the music will tell these people
what he really thinks.

THE CHARCOAL MAKERS

David Hunter

Beneath the leafmeal suckling, mycorrhiza
weaving through mineral traces
left by glaciers retreating, north.
Here is the auld wid, full of sweet chestnut.

The rusting wrought iron kiln, its hull hulking
in waves of steel sinking in soft soil
where once the flames played hot,
their hunger tamed by the widsman's guile.

As he starved the flame, shirtsleeves rolled
to sodden oxters, smooing a stream
of sparkling air as embers dwindled
in the kiln-black heart of his coppiced life.

The wood burns, slowly wheezing out a pibroch
for the charcoal makers long gone
who plundered smoldered gold
a clunking lightness, a feathery blackness.

I listen for the sliding scart of the kiln lid,
and the clatter of the camp kitchen
now broken by import and imitation
that made all of their everything so worthless

Thin places, abandoned. Gigabytes of lore, lost.
Growth rings of their memory,
replaced by downloads --
and the sweet curls of wood smoke, by retweets.

BUILDING THE SHED

A. C. Clarke

It's a fine day and my father is building a shed
in the back garden, sawing wall panels

to size on a trestle – the frame is up already.
He used to like making things

in those days. I am watching from the swing
he put up a while before; the only sound

the creak of the metal ropes,
the rasp of the blade

back and forth through thin, pale grey
asbestos. Perhaps my father

is humming under his breath. Back and forth
goes the blade showering the lawn

with fine white dust. I have a rare
sense of tranquillity. The sun

isn't too fierce. Under the pear trees
windfalls are rotting. Only the wasps take heed.

DRY STONE WALL

Julian Colton

Walking down this sun-filled drove road
where 'say nothing' is the maxim of the
Borderland

in a field you meet a heap of stones
a forced coming together, a gathering

here whinstone greets roughly calloused hands
a measured syntax of meaning sought

dyke dialects, subtle district variant tongues
tribes Selgovae, Brigantes, even Romans.

The wild wind and snow and rain
reduce to piled rubble definition brought

a building – a form of articulation
stone on stone shared meaning and thought.

Only as you return up the incline
twisting panorama around do you see

over time those rude hands have built a fort.

DOG DAY

Vyacheslav Konoval

Staggering, a drop of dew falls from the
green grass,
fog, and even acrid smog, covers the
ground,
the cylinder was torn on all sides, so it
was gas.

Ragged camouflage with holes,
the Red Sea swallows the corpses
Are they in the field, cartridges without
controls?

The tire blazed, moaned and tire
finished,
here is the hostility, aggressive appetite
has not diminished,
the enemy turned into fertilizer.

A stray dog howls,
recites prayers with a hoarse voice,
stares at the torn soldier's jaws,
the enemies have made their choice.

ME AND THE MAKARS

Brian Hill

Thomas and Eliot,
modern poets an their ilk
kirnt oot a hale wecht of wirds, yet I blame't them
for deein, for gaun, ane by ane, past the nae-returning,
leavin only wirds ahin; even as I read them aa
I hid nivver jaloused the gift
for fit it wis.

Henri, Cohen, Dylan sung it oot:
a rhythm section, an affbeat weirin awa
as time defeatit me and rock't me, syncopated,
against masel, wantin for straicht answers
to twistit questions, files, ower aften,
missin fit was said, being,
masel, distractit
an itherwise
engaged.

Burns, Henderson, MacCaig:
cam first, cam late, cam last of aa,
cam wi words for the bairn still cuirious
inside the chiel, fa's growin happed him in denial
- it wisnae me, a big loon made me – and if they wirds
made ony different, the soon of yestreen rung in the day
like the bells on midnicht, pull't mystery fae the holla natures
of holla fowk already deep in the holla howe o day an darg,
wiks rinning intae wiks, month by month, till the years
fell shotten in cairns and centuries pass't
wi time stood still aroon me

Me an the makars, me,
the only makar left this side o gloamin far,
at the last, this sharpenin dusk cuts tae the quick
throu the history o wirds tae the streamin bluid coursin,
far ivery thocht gaes reed and rinnin, fat corpuscles o ideas,
lappert notions and connivances o reason or rhyme;
this is far the screiver's dictionar brocht me, my ain wirds,
chuckies in the bed o the stream o consciousness, my ain pentameters
shattert intae oblivion, my free verse, every en-stop, my run-on lines
a burn o mutterin nonsense split into braidit runnels, cauld watter rain
glockerin throu gullies in the glens; my een see the narrative
o mountain and sky written on the black win o nicht;
as it lours anither o its frets, a heelster smore
shaddas the bunnet-fir wids far my paper
is made o pulp and myndins;

but the makars
I cairriet in my myn'
whispert my ain name
as if I was ane o them but I can nivver
be shuir o't or else the dwaum far wirds changed
and the warld changed wi them could at least be true
and aa my scratchin at the surface micht hae been
worth it efter aa.

THE MAKING OF OUR WEATHER

Jim Aitken

It's as if the making of our weather,
if left to us, would always be clement,
always moderate, never too hot or too cold,
never too wet or too windy, as if to
complement how we wish to see ourselves.

Like some sceptered isle that broke free
from Europe because of such delusions,
our geography still governs what weather
comes to us from elsewhere, from foreign
parts. We really should look closely at maps.

Remember the cold winter Beast from the East,
and this year's heat coming up from Africa,
and all those storms that were hatched
in the Caribbean, and all that freezing air
that came down from the Arctic?

All making us meteorologically linked, I'm afraid,
and our history of plunder, of fossil fuel, became
the model for everyone else. A storm is brewing
for sure but I'm out of it after tonight. I have a safe
place somewhere secret. Goodnight and goodbye.

MAKING OUR OWN ENTERTAINMENT

Tom Murray

Tomorrow summer ends.
Primary School a drowned-out
memory.
High School bell calls all.

Today the Black Burn waits
An ancient ritual.
Passed down in village unofficial
history.
Others wait their turn
Hugging the greasy banking.

My foot touches the first ancient
stone step
Anchored on the surface.
Bubbles circle the stone.
Reeds flap the rank air
To clog my throat.

My foot slips and touches water.
Don't look down
Don't look down.
Don't look down.

Run from one stone to the other?
No. Calm.
One step at a time.
One step at a time.
One step at a time.
Village legends of panicked runs.
The screaming splash.
Black Burn emptying into lungs.

One more step.
One more step.
One more step.

The last step splits like a torpedoed
ship.

Juuuuuuuuuuump

Wet muddy banking
Signals safety.
The shaking sigh of triumph.
The loss of Sunday best shoe.
Mother won't be happy.

No cheering from the others
Who wait.
Their turn has come.

THE WHEEL

David Hunter

I remember.

You read *The Clod and The Pebble* to me,
in the years before they were 'lost' to you.
Its figurative thoughts on the practice of love
when I could not see past your elegant curve
that formed my heaven in that hell of innocence.

Now I knead that clod of clay that I once was,
as the fragments of imperfect pebbles get lost.
Parcels of air displaced by my hand like a hoof,
as I work a handful, enough to throw a small cup
so that you can sip the waters from the brook.

Its mouth will be rounded and not so finely made
that it fractures as it vitrifies, beneath its glaze,
so it can withstand the warmest touch of your lips
yet hold no joy at your unease, deep in its bowl
forming, as I slide my fingers and raise its shape.

A familiar little hollow, a handle, like the sun-kissed helix
of your ear, its tympani guarded by a vigilant cavum
drawn down and gently contorted, resting on the wheel
its rough imperfections, flawed but finished.
All of my songs - spun into a cup.

SHEFFIELD

Ruth Aylett

The Sheaf runs into the Don
but now there's no field -
the one that was Esca's once,
a lost invader tired of
climbing Pennines,
happy to halt here,
where the valleys meet.

Steel city when I first came,
the Don flowed quiet
as rancid treacle past the works
where furnace flames
flickered under the eaves.
The whole city's power dipped
when an arc switched on;
red dust disfigured
washing hung out.

Came the neutron bomb
of markets and government
antipathy; their war on
'the enemy within' undid the city.

Rose-bay willow herb grew to
the horizon where a baroque
shopping centre, multi-domed,
farted consumerism
over motorway traffic.
Visiting London football fans
chanted 'loadsamoney',
waved their fivers,
lives shrivelled into heritage,
local government, the hospitals.

Still I tell my children: look.
Your belly button has stamped
in it that Made in Sheffield mark.

OLENIV MARTYRS

Vyacheslav Konoval

Clothes smelling of metallurgical soot,
a torn strap curls on the shoulder,
a machine gun near my chest,
I see the enemy's foot.

The soldier heard the command of the headquarters,
laid down his arms and surrendered
scornfully, glancing at the Russian, beastly murders.

The patriots came out of the siege,
they thought about the exchange
but in captivity they are cattle,
UN? Red Cross? Hey, where are You, Mr., Ms, Liege?

Cut, chopped, tattered soldiers,
enemies keep You hungry and cold,
torture chamber in the steppe,
the Armed Forces are getting closer,
I am almost 32 years old.

PHOTO CREDITS

Cover Image: Photo by Daryl Baird on Unsplash

Page 2: Photo by Nico Nazaire on Unsplash

Foreword

Page 5: Photo by Didssph on Unsplash

Page 8: Stephen O'Donnell on Unsplash

Featured Writer: Elena Marinicheva

Page 33: Photo by Jakayla Toney on Unsplash

Fiction

Page 36: Photo by Anne Nygard on Unsplash

Page 41: Photo by Anne Nygard on Unsplash

Poetry

Page 45: Photo by Josiah Day on Unsplash

Page 46: Images Adrien Olichon on Unsplash

Page 47: Photo by Courtney Smith on Unsplash

Page 48: Photo by Christina Botelho on Unsplash

Page 49: Photo by Yuki Dog on Unsplash

Page 51: Photo by Nicolas Thomas on Unsplash

Page 53: Photo by Egor Yakushkin on Unsplash

Page 54: Photo by Pure Julia on Unsplash

Page 55: Photo by Quino Al on Unsplash

Page 57: Photo by Arnab Dey on Unsplash

Back cover

Photo by Gareth David on Unsplash

